

• АНДРЕЙ •

ДОВБРОВ

КРЫСА В ХРАМЕ
ГИЛЯРОВСКИЙ И ЕЛИСЕЕВ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Интересный детектив

Андрей Добров

**Крыса в храме.
Гиляровский и Елисеев**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Добров А. С.

Крыса в храме. Гиляровский и Елисеев / А. С. Добров —
«Эксмо», 2016 — (Интересный детектив)

ISBN 978-5-699-88272-4

Знаменитому московскому репортеру Владимиру Гиляровскому однажды удалось проникнуть в закрытый для остальных посетителей ресторан Тестова, где пьянствовал известный петербургский миллионер Григорий Елисеев. Присоединившись к предпринимателю, репортер получил от него неожиданное приглашение – посетить грандиозную стройку, затеянную им на Тверской улице. Никто из москвичей не знал, что возводили за высоким забором, и тем более никто не знал, что время от времени по стройке блуждал загадочный Красный Призрак... Однако совсем скоро призрак начал убивать случайных посетителей стройки, и Гиляровскому, невольно вовлеченному в эти происшествия, пришлось выяснять, кто этот таинственный злодей и кому он мстит.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88272-4

© Добров А. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Единственный посетитель	7
Глава 2. Красный призрак	15
Глава 3. Самоубийца	22
Глава 4. Профессор Мураховский	29
Глава 5. Соглашение	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Добров
Крыса в храме: Гиляровский и Елисеев

© Добров А., текст, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Вступление

Все персонажи являются вымышленными, а события эти никогда не происходили.

Итак, представьте себе Москву 1901 года. Лето, жара, горожане переехали жить за город, на дачи... Казалось бы, как тут думать о плохом, если в небе ярко светит солнце, толчея на улицах ушла в прошлое и хочется одного – растянуться на берегу реки в тени ивы или другого какого дерева? Увы, как часто самые страшные новости приходят вот в такие ясные и вполне счастливые дни.

Глава 1. Единственный посетитель

– Вы слышали? У Тестова закрыто! С самого утра швейцар никого не пускает. Говорит, какой-то господин из Петербурга заплатил Тестову, снял для одного себя весь ресторан и сидит там как сыч, пьет водку! У подъезда – экипажи, народ рвется внутрь, а никого не пускают. Скандал!

– Да как же не пускают? К Тестову?

– Целый ресторан снял! Это за какие же деньги?

– Тыщи...

– Вот-вот! Я мельком слышал – сам Елисеев из Петербурга появился. Стройку свою инспектирует.

– Чудит!

Такой диалог я услышал, сидя на скамейке Тверского бульвара возле самого памятника Александру Сергеевичу. Один из говоривших бросал на меня завистливый взгляд – я занял единственную скамейку, которая была расположена в тени дерева, и отдыхал от жары. Второй из говоривших прикрывал голову газетой, а шляпу держал в руке и энергично ею обмахивался. В нескольких шагах от них плавилась от летнего солнца, орала во всю глотку, стучала копытами и громыкала колесами Тверская. Голуби, издавая страстное курлыканье, все ближе подбирались ко мне, ожидая хлебных крошек – они даже покинули свой любимый насест – голову бронзового Пушкина.

Вот так так, подумал я, неужели действительно сам Елисеев?! И для чего ему понадобилось такое роскошное уединение? Снял бы кабинет, чтобы не тревожили.

Конечно, я мог бы забыть о подслушанном разговоре, немного понежиться в тени, прежде чем идти к себе в Столешников переулок. Но мое всегдашнее любопытство, конечно же, довольно скоро разыгралось настолько, что я, проклиная жару и себя, и всех вокруг, встал и пошел к стоявшему у обочины извозчику. Ну съезжу, просто одним глазком посмотрю на этого занятого господина.

Ехать было недалеко – на угол Театральной и Воскресенской, где в здании гостиницы «Континенталь» помещался знаменитый в те годы трактир Тестова. У парадного входа действительно стояло несколько купеческих экипажей, владельцы которых, вероятно, укрывшись в тени пологов, раздраженно ждали объяснения такому безобразию. Растолкав двух молодых мужчин в светлых летних костюмах – вероятно, управляющих или спутников тех, кто сидел в экипажах, – я уткнулся в бороду дородного швейцара, который, узнав о моем твердом намерении пройти внутрь, попытался меня остановить сообщением, что заведение закрыто. Но я просто отодвинул его в сторону и начал подниматься по высокой лестнице, которая вела в залы трактира. Однако наверху мне встретилась новая преграда в виде двух господ плотного сложения в аккуратных темных костюмах.

– Туда нельзя, – сказал один из охранников.

– С какой это стати? – спросил я, ослабляя узел галстука – на лестнице было еще более душно, чем на улице.

– Занято.

Тут в зале появился старшина половых Кузьма Павлович – он не раз потчевал меня и моих гостей тестовскими деликатесами, и я окликнул его:

– Кузьма Павлович! – крикнул я. – Что ж тут такое? Не пускают!

Охранники шагнули ко мне, и я крепче взялся за свою трость, кивнув на ее массивный набалдашник.

Кузьма остановился, посмотрел в мою сторону, как бы в нерешительности, а потом сорвался и быстро подошел.

– Владимир Алексеевич, – обратился он ко мне, выглянув из-за спин охранников. – Бога ради! Не могу!

– А что такое?

Охранники нервно переглянулись.

– Шли бы вы отсюда, господин хороший, – сказал один из них.

– А кто хоть там? – спросил я громко Кузьму.

Тот умоляюще замотал своей белой бородой и сделал движение назад, собираясь убежать. Но в это время из зала появился еще один персонаж – в клетчатом английском пиджаке с зализанными назад волосами и коротко стриженными военными усами.

– Что за шум? – строго спросил клетчатый.

– Вот этот рвется, – отрапортовал охранник.

– Гони!

Я рассердился по-настоящему.

– Кого это гони? – прорычал я. – Сам-то кто такой?

– Гони-гони, – холодно, не обращая на меня никакого внимания, скомандовал клетчатый.

Охранник растопырил руки, как будто собирался ловить рвавшуюся вперед лошадь.

– А ну, давай, топай отсюда!

Кузьма Павлович, бросив на меня взгляд, полный сожаления, быстро направился в зал.

– А ну, пошел! – охранник уже пытался отжать меня всем корпусом, но не на таковского напал. Я с силой толкнул его вперед, и он упал спиной, увлекая за собой своего напарника.

– Ах ты гад! – закричал упавший.

Клетчатый перевел взгляд на меня. Медленно сунул руку под пиджак и вынул револьвер. Я прикинул, что стрелять он не будет – слишком уж место не располагало. Хотел просто припугнуть меня. Может, случись это в темном узком переулке, я бы и испугался – и то, если бы был мальчонкой лет семи. А здесь я только повыше поднял трость и погрозил ею.

– А вот этого не хочешь?

Не знаю, чем бы закончилась эта совершенно дурацкая сцена – скорее всего, они втроем взяли бы меня за белые ручки и спустили бы по той самой ковровой дорожке, по которой я поднимался. Но тут позади этих церберов появилось новое лицо. Человек этот едва держался на ногах. Одетый во фрак мужчина, с несколько одутловатым лицом, хорошо причесанный, но совершенно при этом пьяный, с рюмкой в руках, стоял, покачиваясь, и смотрел на нас. Его появление произвело на охранников чудесное действие – они постарались вскочить и принять вид бравый и солидный, что, правда, далось им с трудом.

– Теллер! – сказал мужчина немного заплетающимся языком. – Ты куда пропал? Что тут? Кто это?

Человек этот был мне знаком, хотя в таком состоянии я видел его впервые.

– Григорий Григорьевич! – позвал я. – Это же я – Гиляровский!

Пьяный мужчина во фраке перевел на меня взгляд.

– А что вы там торчите? – спросил он. – Идите сюда. Выпьем! Теллер! Это ко мне.

Клетчатый недовольно поморщился и сунул пистолет обратно под пиджак. Я насмешливо посмотрел ему прямо в глаза. Поджав губы под кустиком жестких русых усов, он отодвинулся в сторону, и я вошел в зал.

– Ну? – громко спросил мужчина во фраке. – Водку пьешь, Гиляровский?

– Пью, – кивнул я.

– Так и пошли!

Я последовал за ним, стараясь не показывать удивления. Всякое я повидал в своей жизни, но увидеть пьяного, едва держащегося на ногах миллионера Елисеева – такого мне еще не доводилось! Григория Григорьевича Елисеева в Москве, конечно, знали – еще бы! Наследник огромной торговой империи, чей дед был когда-то простым крестьянином, продолжатель отлично поставленного дела торговли колониальными товарами – он всю жизнь провел в Петербурге, наезжая в Москву изредка, по оказии. И вдруг – три года назад купил особняк княгини Волконской на Тверской и пригласил своего «домашнего» архитектора Барановского переделать это знаменитое здание... В этом-то и была главная интрига – Барановский нанял рабочих, и те обшили стройку каркасом из досок – причем так плотно сбитых, что сквозь щели этого деревянного куба, внезапно возникшего прямо на Тверской улице, совершенно невозможно было что-то рассмотреть. Проникнуть за тщательно запиравшиеся задние ворота, куда постоянно подъезжали ломовые телеги с грузом, как правило накрытым плотной холстиной, было мечтой каждого московского журналиста. Но территория крепко охранялась специально нанятыми людьми, которые на предложение выпить, перекинуться в картишки и даже посетить чудесный дом с приветливыми дамами неподалеку не отвечали, – вероятно, Елисеев платил им так хорошо, что они боялись потерять жалованье.

Войти же на территорию стройки благодаря знакомству с самим Елисеевым тоже не представлялось возможным: он появлялся в Москве редко, лишь с инспекциями, и проводил в Первopестольной не более трех дней. Говорили, что в Москве он снимал роскошную квартиру, но адреса никто не знал. Об этой квартире ходило много слухов – будто она забита произведениями искусства, причем подлинниками, которые Григорий Григорьевич скупал походя, бесстыдно, потакая поистине варварским вкусам своей супруги Марии Андреевны. Происходившая из рода известных питерских пивоваров Дурдиных, она унаследовала от своего батюшки твердую купеческую хватку и самую невзрачную внешность, составляя удручающий контраст своему мужу – высокому подтянутому блондину с большими залысинами и мягким, уже не купеческим, а вполне аристократическим лицом. Мария Андреевна досталась Григорию Григорьевичу в качестве обязательного приложения к договору о слиянии капиталов – в те дни его батюшка Григорий Петрович расширял свою империю вин и колониальных товаров, начав производство превосходного пива.

Вот только Мария Андреевна в Москву наезжала намного реже своего мужа. И злые языки, а таких в любом городе всегда предостаточно, поговаривали, что хозяйками тайной пещеры сокровищ Елисеева время от времени становились то молодые многообещающие актрисы, то танцовщицы Большого, а то и дамы, про которых нельзя было сказать ничего, кроме того, что вуаль на их шляпках плотная, а под тонкой перчаткой угадывалось очертание обручального кольца.

Но если дамам Елисеев и уделял свое внимание, то журналистам – нет. В Москву он обычно приезжал утренним поездом и с вокзала в личном закрытом экипаже ехал прямо на стройку. А оттуда исчезал где-то в районе Покровки. Любые попытки преследовать его экипаж пресекались охраной, сопровождавшей коляску Григория Григорьевича на всем пути.

Так что простите мне столь внушительное отступление, продиктованное только желанием показать, как необычно мне повезло, что я сумел пробиться к Елисееву, да еще и в минуту, когда он был, как говорят, в совершенно «разобранном» состоянии. То есть вполне готовым к журналистскому употреблению.

И вот Елисеев шел впереди меня, энергично двигая плечами, пытаюсь, как я понял, освободиться от фрака. Моментально подлетел вышколенный тестовский официант и помог миллионеру. Под фраком оказалась вся мокрая от пота рубашка, липнувшая к спине Елисеева.

– Уфф, жара, – сказал он, упавши в кресло, подвинутое к столику. – Его стол в одиночестве располагался посреди залы – все остальные были сдвинуты к стенам. – Садись, Гиляровский.

– Куда? – оглянулся я. Кресло было только одно.

Елисеев взмахнул рукой – и вот уже половой неся ко мне со стулом.

Я сел, и передо мной тут же появился полный набор бокалов для вина и рюмка, которую без единой лишней капли и даже малозаметного плеска одним движением наполнил белобородый Кузьма Павлович.

А по обе стороны от Елисеева встали еще два официанта с настоящими опахалами – как у турецкого бея из «Итальянки в Алжире», – наверное, их по требованию богатого гостя как раз и принесли в трактир Большого театра, что находился неподалеку. Легкий ветерок пошел от опахал, и Елисеев поднял свою рюмку.

– Ну, господин корреспондент, выпьем?

– За что? – полюбопытствовал я.

– За... – Он задумался, а затем предложил: – Давай за знакомство. Тебя как зовут?

– Владимир Алексеевич.

– То есть Володя. А меня – Гриша. Давай, Володя!

Мы чокнулись и разом выпили. Елисеев вилкой ткнул в нежнейший тонкий ломтик стерляди и сунул его в рот. Закусил и я – отведал знаменитого тестовского расстега с серебряного блюда, на котором две рыбы обвивали фирменный знак ресторана – букву Т, увитую хмелем.

Вдруг Елисеев нахмурился и вперил в меня пристальный пьяный взгляд.

– А ты, Володя, ведь не из коммерсантов? Нет?

– Нет, я писатель.

– А! – смягчился Григорий Григорьевич. – Это хорошо.

Он поднялся с кресла и сильно покачнулся. Стоявшие рядом официанты кинулись было к нему – поддержать, но миллионер выпрямился и нетвердой походкой направился к высокому окну, закрытому от солнечных лучей шелковыми белыми гардинами.

– Откинь! – приказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Появившийся рядом Кузьма Павлович оттянул гардину, впуская яркий солнечный свет. Елисеев ткнулся лбом в стекло и уставился вниз. Потом повернулся ко мне.

– Поди, посмотри!

– Видал уже, – отозвался я, не вставая. – Это вы про экипажи?

– Ага! – торжествующе крикнул Елисеев, целясь пальцем в окно. – Ага! Не пускают? Надо же! Какая незадача! А кто не пускает? Я! – Он хлопнул себя по груди. – Я! Елисеев! Не желаю! Не желаю видеть ваши купеческие морды! А! Что ты там машешь руками? – продолжал он обращаться к собравшимся внизу. – Думаешь, право имеешь? Думаешь, сделал на гнилой селедке десять тысяч и теперь можешь сесть за соседний столик со мной?

Он повернулся и направил палец теперь уже на меня.

– Не-на-ви-жу, – сказал Елисеев медленно. – Ненавижу все это ваше московское купечество, этого только-только вылезшего из сапог и кафтана мужика. С толстой рожей, толстыми пальцами и толстыми ляжками! Равняться? С кем? Со мной? Мол, ты коммерсант, и мы коммерсанты! Ты, подлец, богаче нас, да знаем, отчего! Хитрей, подлец, изворотливей – потому и богаче. Нет! – крикнул он. – Нет!

В углу зала тут же материализовался старший охранник в английском пиджаке, которого Елисеев называл Теллером. Набывчившись, он неотрывно смотрел на меня, готовый по первому знаку своего хозяина наброситься на незваного гостя и выкинуть его вон.

Не обращая внимания на охранника, я с изумлением смотрел на Елисеева – вероятно, он выпил немало, раз уж его, петербургскую штучку, так разобрало. Наверное, Григорий Григорьевич заметил недоумение на моем лице. Опустив палец, он подошел к столу и плюхнулся в кресло.

– Выпьем, – приказал он.

Наши рюмки тут же наполнились.

– Что? Думаешь – совсем пьян Гришка и чушь несет? Да! Да! Мы и сами из ярославских мужиков. Но не чета всем этим вашим селедочникам! Елисеевы никогда гнильем не торговали! Так, как мы вели дела... Так во всем мире никто не может. Они, – он снова ткнул пальцем в окно, – по сравнению со мной как коновалы рядом с академиком. Что ты ухмыляешься? Не веришь?

Я пожал плечами и опрокинул рюмку в рот. Потом вытер усы и ответил:

– Верить-то я верю. Только как можно в вашем деле совсем без обмана? Разве такое бывает?

Он наклонился к тарелке с растерзанной рыбой, поигрывая бровями, как бы обдумывая мою реплику. Потом, бессильно уронив вилку на скатерть, покачал головой:

– Экий ты, Володя, Фома неверующий! Приходи ко мне на Тверскую в магазин. Завтра приходи к полудню. Я там буду уже. Никому не показывал, что там делается. Тебе покажу.

– Да меня не пустят, – подначил я его.

– А? – Елисеев обернулся, увидел Теллера и поманил его к себе пальцем.

Охранник быстро подошел.

– Вот, – сказал миллионер, указав на него, – Федор Иванович. Начальник моей московской охраны. Теллер – фамилия. Вызовешь его. – Переведя взгляд на охранника, Елисеев уже обратился к нему: – Проводишь Володю ко мне. В полдень. Все ему покажешь. Понял?

Желваки Теллера ходили так, что казалось, сейчас прорвут туго натянутую и до синевы выбритую кожу. Продолжая игнорировать меня, он кивнул:

– Понял.

– Иди, – приказал Елисеев.

Теллер шагнул в сторону, но хозяин снова остановил его:

– Стой! Поди сюда. Наклонись.

Миллионер что-то прошептал на ухо охраннику. Тот, наконец, покосился на меня, а потом кивнул. Я расслышал лишь имя «Любаша», но сделал вид, что занят расстегаям. Елисеев отстранился.

– И что, – спросил он уже громче, – ждут?

– Так точно, – ответил Теллер.

Елисеев кивнул, повернулся ко мне:

– Ты в привидения веришь?

– Григорий Григорьевич... – укоризненно начал Теллер, но Елисеев не обратил на него внимания.

– А я не верю, – сказал он, хлопнув ладонью по столу так, что серебряные приборы звякнули. – Не верю! А ты?

– И я не верю, – ответил я, недоумевая, почему разговор вдруг пошел о привидениях – теме модной, но для меня совершенно неинтересной.

Елисеев покивал, а потом поднял брови, как бы расстроено:

– Вот, видишь! – Он снова обернулся к Теллеру: – Ну, и что мне делать?

– Григорий Григорьевич!

– Да брось! Каждый продавец – проверенный-перепроверенный. – Он погрозил пальцем в сторону официантов, стоявших с каменными лицами. – Мы пьянь подзаборную не берем! Но! – Тут он снова обернулся ко мне: – Ведь Христом Богом клянутся – видели!

– Кого? – спросил я.

– Привидение! Красное!

– Красное?

– Чушь! – Елисеев снова ударил по столу, уронив соусницу. Красный соус медленно потек на белоснежную скатерть. – Ты, Володя, охоту любишь?

– Да. – Меня уже не удивляли крутые повороты разговора.

– Прекрасно! Значит, жду тебя завтра. Устроим с тобой охоту на это «привидение».

Григорий Григорьевич потянулся ко мне, хлопнул по плечу и махнул рюмку водки. Немного помолчал, откинувшись на спинку кресла, а потом схватил край скатерти и потянул на себя. Тут же подскочили половые, ловя падающие приборы. Не обращая на них внимания, Елисеев вытер рот углом белоснежной скатерти и встал, держась за локоть охранника.

– Так, Володя, – сказал он, – мне надо срочно уехать. Дела, понимаешь ли.

Он широко махнул свободной рукой.

– Ешь, пей, заказывай, чего душа пожелает. Все оплачено до полуночи. Весь ресторан твой! – он повернулся к Кузьме Павловичу: – Слышал?

Кузьма Павлович согнулся в полупоклоне.

– Пошли, – скомандовал Григорий Григорьевич Теллеру.

Тот, подхватив фрак хозяина, повел Елисеева к выходу, но не преминул, обернувшись, грозно посмотреть на меня.

Когда они скрылись за высокими дверями, я поднял бровь и посмотрел на Кузьму.

– Ну и нарежались уважаемый Григорий Григорьевич! – уважительно сказал белобородый старший официант.

Я кивнул и вытащил из кармана свою табакерку.

– Владимир Алексеевич, отец родной, – взмолился Кузьма. – Дозвольте ресторан открыть для остальных господ. А то же нас потом съедят! И так скандал на всю Москву!

– Ты слышал, что Елисеев сказал? – спросил я, сделав строгое лицо. – До полуночи все выкуплено. А я могу пить и есть сколько угодно!

– Владимир Алексеевич! – услышал я из-за спины.

Обернувшись, я увидел управляющего ресторана по фамилии Решетников.

– А вы где прятались все это время? – спросил я с любопытством.

– Истинно, прятался, – сознался Решетников, – у себя в кабинете. Что мне тут под ногами путаться? У нас Кузьма Павлович и сам справится – опыт-то какой!

Кузьма Павлович кивнул. Всякое подобоострастие, которое он показывал перед Елисеевым, теперь испарилось, и он снова предстал тем самым старшим официантом тестовского ресторана, которого Коровин пытался заставить позировать в образе пророка Моисея.

– Мы вас, Владимир Алексеевич, целый месяц бесплатно кормить и поить будем. Хотя каждый день, – сказал Решетников. – Только позвольте ресторан открыть-с.

– Ладно, – кивнул я. – Давайте! Вот принесите мне котлет бараньих и открывайте!

– Сей же час! – отозвался Решетников.

– Пойдите, – приказал я. – Услуга за услугу! Вы случаем не знаете, чего это Елисеев так нарежались?

Решетников пригнулся к моему уху, и я услышал запах дорогого французского одеколona – лучше, чем у меня.

– Не могу сказать точно, но кучер их говорит – мол, отмечают высочайшее разрешение принять французский орден.

Так-так, подумал я, вспоминая, что год назад на Парижской выставке Елисеев был удостоен французского ордена Почетного легиона. Да еще за что! За привезенные французские же вина! После кошмарной эпидемии филлоксеры французы остались, почитай, без виноградников. Многие знаменитые марки вин просто перестали существовать – всегда пополняемые запасы на этот раз были выпиты без возможности восстановления. И вдруг Елисеев привозит из своих бездонных подвалов под Васильевским островом сотни бутылок редких французских вин, которые начал собирать и хранить еще его дед. Изумлению и восхищению французов не было предела. Ведь это было настоящее чудо – налить в бокал и попробовать знаменитые вина, считавшиеся утраченными. Но по нашим правилам подданные Российской империи не имели права получать иностранные награды – только с согласия царя. Похоже, что Елисеев

слишком долго ждал разрешения. Елисеевы относились к тем коммерсантам, которые свои капиталы создавали не первое поколение. Подобно купцам-старообрядцам, они вкладывали в работу не только привычную сметку, но и ум, бережливость, прилежание. Но эти потомственные миллионеры попали в очень неудачное время – на протяжении десятков лет аристократия считала купцов людьми второго сорта, недостойными вращаться в высшем свете. А к моменту, когда обедневшая аристократия начала сдавать свои позиции и деньги стали значить в свете больше, чем древность рода, появилась огромная армия «новых богачей», быстро разбогатевших «королей» чая, селедки, готовой одежды. Секрет их обогащения был прост: купить за полупенни – продать за алтын. Это были мастера самому гнилому продукту придавать вид вполне употребимый. Их империи строились на тысячах лавочек, набитых неказистым, дурно пахнущим, расползающимся по шву товаром. Зато дешевым и никогда не кончающимся. Некоторые завели даже круглосуточную торговлю – чтобы собирать прибыль из карманов ночных гуляк, проституток и разного рода воровского элемента. Не имея патента на торговлю водкой, лавочники все же продавали ее из-под полы, причем и покупатель, и продавец знали, что иная бутылка может содержать в себе не столько водку, сколько смертельную отраву.

Вечером, когда жара немного спала, а улицы начали пустеть, поскольку вся московская служивая толпа устремилась на вокзалы к пригородным поездкам, чтобы пораньше вернуться на дачи, я вернулся в Столешников, домой. Семья моя также пребывала на нашей даче в Малеевке под Старой Рузой, со мной остался только Коля Морозов – смышленный паренек, которого я взял из посудомоек в секретари. Лет ему было пятнадцать, однако в своей деревне он не только научился читать, но и пристрастился к книгам, проводя с ними все свободное время. Вот и сейчас на мой зов из прихожей он пришел с раскрытой книжкой в руках.

– На, поешь. – Я протянул ему бумажный сверток.

– Что это, Владимир Алексеевич?

– А так, всякая всячина. Полфунта окорока, немного осетринки и пара апельсинов. Я – то сам у Тестова сидел, хочу только чаю. Ты мне кипятка организуй, а сам пока поужинай.

– Многовато это для меня одного, – возразил Коля, прикидывая в руке увесистый сверток.

– Ничего, управись. А то смотри, уже года два как у меня, а все такой же худой, как раньше. Непорядок это, брат, – сказал я весело, вешая на крючок свой летний белый картуз.

Коля кивнул и ушел ставить на плиту чайник. Я прошел в кабинет, который после отъезда на дачу Маши и прислуги наконец стал выглядеть как настоящее логово журналиста и писателя. Заваленный газетами, бумагами с набросками статей и рассказов, листками самого разного цвета, размера и состояния, с пометками. Я сорвал с себя галстук и пиджак, бросил их на топчан поверх подшивки моего «Русского спорта» за прошлый год, расстегнул рубашку чуть не до пояса, чтобы остудить грудь, и сел в любимое широкое кресло, которое категорически запретил выбрасывать, несмотря на то что оно действительно было, кажется, старше всего дома. Достав из кармана пиджака отцовскую табакерку, я захватил немного табака, который покупал у старого одноногого сержанта, торговавшего за Страстным монастырем, и заправил щепотью в ноздрю – чтобы немного прояснить голову. Удивительно, как все-таки тихо дома, когда все твои домочадцы уехали дышать чистым природным воздухом!

Вошел Коля, неся мою любимую большую кружку с рисунком старого прусского замка.

– Ну что, перекусил?

– Нет еще, Владимир Алексеевич, – ответил мой юный секретарь. – Давайте я тут окошко открою, а то душно.

– Открой, – разрешил я, принимая чашку. – Только гляди, чтобы бумаги в коридор не сдуло. А знаешь, Коля, куда я завтра иду?

– Куда?

– Смотреть на стройку елисеевского магазина. Представляешь?

– Это тот, который в ящике? – спросил Коля, отворяя окно. Сразу же появился легкий летний сквознячок, одобренный воробьиным чириканьем и сладковатым запахом с далекой кондитерской фабрики.

– Тот самый! Интересно?

– Ну... Ежели с собой возьмете, то да.

– Уж прости, но, боюсь, меня туда одного позвали.

Коля пожал плечами.

– Тогда я здесь посижу, почитаю.

С этими словами он вышел, а я схватил с конторки относительно чистый блокнот и начал заносить в него заметки о сегодняшней встрече с Елисеевым.

Глава 2. Красный призрак

На следующий день я пешком дошел вверх по Тверской до огромного, обшитого досками куба, внутри которого Елисеев и спрятал свою стройку. Конечно, уже не раз находились проныры, которые выковыривали из досок сучки, и подсматривали через дырки – что же именно строит архитектор Барановский, которого Елисеев нанял за огромные деньги, причем обещая не вмешиваться в творческий архитектурный процесс. Эти самые проныры утверждали, что на месте особняка княгини Белосельской-Белозерской теперь высится настоящий восточный храм, пагода Бахуса, или же дворец Великих Моголов.

Свернув с шумной Тверской в Козицкий переулочек, я пошел вдоль дощатой стены, пока не наткнулся на дверь, справа от которой находилась большая медная кнопка электрического звонка. Ниже по трафарету было написано: «Вызов охраны». Я постоял немного в тени переулочка, наслаждаясь прохладой. А потом, переложив трость в левую руку, нажал кнопку. Где-то вдали послышалось резкое дребезжание. Никаких звуков стройки я не слышал. Не визжали двуручные пилы, не стучали молотки и киянки, не слышалось даже голосов рабочих на лесах. Похоже, что строительство закончилось. Вероятно, сейчас велись отделочные работы внутри здания, что и объясняло отсутствие характерного строительного шума.

Наконец изнутри щелкнула щеколда, и дверь немного приоткрылась. Однако чье-то грузное тело закрывало обзор – вероятно, на вход поставили самого объемного охранника, главной задачей которого было именно застать свет.

– По какому делу? – спросил этот «святой Петр» строгим голосом.

– У меня назначена встреча с Григорием Григорьевичем Елисеевым, – ответил я, совершенно не покривив душой...

Вероятно, я был далеко не первым, кто использовал эту наивную формулу для того, чтобы проникнуть внутрь.

Охранник прислонил к щели лицо и воззрился на меня недовольным серым глазом.

– Чего?

– Позови-ка господина Теллера, любезнейший, – попросил я.

Охранник поморщился – похоже, я оторвал его от важного и любимого занятия – в густых усах этого одноглавого Цербера застряла шелуха от тыквенного семечка.

– Проходи мимо, нету его, – пробурчал охранник. – Нету. Понял?

И тут же попытался закрыть дверь, но я крепко схватился за нее и потянул на себя. Вот еще! Раз уж я решил войти, то остановить меня будет трудновато! Охранник, не ожидавший такой прыти, чуть не разжал пальцы, но раскусил мой маневр – лицо его перекошилось, потом побагровело, и он крепко вцепился в дверь со своей стороны.

– Ты что! Пусти! – прохрипел он. – Не положено!

– Положено-положено, – ответил я с усилием. – Вот уж узнает Федор Иванович, он тебе подробно пропишет, кому положено, а кому нет!

– Паскуда, – выругался охранник. – Ну, погоди!

Он неожиданно разжал пальцы. Распахнувшись, дверь чуть не ударила меня по лбу, однако я и сам отшатнулся назад, чуть не опрокинувшись на спину. Если бы не постоянные занятия в Гимнастическом клубе и не моя верная трость – сувенир со времен дела об украденных голосах, – валяться бы мне сейчас на пыльных булыжниках Козицкого переулка.

Пока я пытался устоять на ногах, охранник метнулся влево и снова явился в дверном проеме, но уже перехватывая обеими руками толстую палку.

– Ага, – весело закричал я, – решил фехтовать?! Вот славно! Ну, давай! Туше!

Выставив вперед трость, я встал в фехтовальную позицию. Пара мастеровых, проходивших мимо, с деревянными рундуками, из которых торчал столярный инструмент, останови-

лись и начали глазеть. Один даже достал из кармана пиджака короткую черную трубку и спокойно сунул себе в рот. Охранник нервно взглянул на них. Я тут же воспользовался моментом и ткнул ему в солнечное сплетение концом трости, окованном стальной полоской – чтобы не сбивался о камни.

Мой противник гулко хекнул и согнулся. Коротким ударом сверху по загривку я уложил его на землю, предварительно отскочив в сторону, чтобы он, падая, не сбил меня с ног.

– Вот так! – крикнул один из мастеровых. – Видать, ты, барин, из военных? А?

– Наддай ишшо! – предложил тот, который держал в зубах трубку. – Гляди, какой лось! Гляди, как встанет...

Охранник закричал, поднимаясь.

– Да что вы, ребята, – сказал я, доставая платок, чтобы вытереть вспотевшее лицо. – Сам я с Волги, бурлаком расшивы с ватагой тянул. А это так, баловство.

– Ага, – согласился мастеровой с трубкой. – Оно и видно. Баловаться ты мастак!

– Ага, – поддакнул с уважением его более молодой приятель.

Я хотел было помочь охраннику подняться, но тот с матерной руганью оттолкнул мою руку, встал, поднял с земли оброненную палку и, вероятно, решил дать мне сдачи – если, конечно, удастся. Но в этот момент раздалось негромкое: «А-а-тставить!»

Теллер вышел из-за спины своего архаровца, как будто все время там и стоял. Одет он был ровно так же, как и вчера – в английский клетчатый пиджак, вот только на голове у него теперь прямо сидела серая кепка с клапанами – ни дать ни взять – британский сержант в отставке. Хотя он старался держать себя в руках, но нервно бьющаяся жилка на виске выдавала, что Теллер взбешен моим нападением на его человека.

– Так-так-так, – сухо сказал он, знаком показывая мастеровым, чтобы те шли по своим делам. – Если не ошибаюсь, господин Гиляровский?

Охранник, моментально притихший, попытался оправдаться.

– Федор Иванович! Я это... согласно вашей инструкции... а они палкой...

Теллер сухо кашлянул, не глядя на охранника, и тот сконфуженно замолчал. После паузы глава московской охраны Елисеев снова обратился ко мне:

– Как это понимать, господин Гиляровский? Вы силой пытались ворваться на территорию, за охрану которой я отвечаю?

– Но позвольте, – возмущенно сказал я, – вчера в вашем присутствии Григорий Григорьевич сам пригласил меня осмотреть стройку. Вы не можете чинить мне препятствия!

Теллер повернулся к охраннику.

– Иди-ка, Потапенко, в свою сторожку, мы с тобой потом еще обстоятельно побеседуем. Понял?

Дождавшись, когда его подчиненный покинет нас, Теллер твердо посмотрел мне в глаза и тихо произнес:

– Вы же прекрасно понимаете, что я не могу брать в расчет вчерашние распоряжения Григория Григорьевича. Вы видели, что он был нетрезв. Уверяю вас, что уже сегодня он бы вас и на мизинец не подпустил к этой двери.

– А вот уж это – только ваше предположение, господин главный сторож, – раздраженно ответил я. – Вам вчера хозяин русским языком приказал меня впустить. Так что давайте, выполняйте приказ, пропускайте, а то я ведь и сам могу войти – как вчера, помните? И револьвер вам не поможет – не собираетесь же вы, в самом деле, стрелять в меня, Гиляровского, в самом центре Москвы? А?

Жилка на виске Теллера начала пульсировать вдвойне против прежнего. Он судорожно сжал кулаки, вероятно, собираясь меня ударить. Но я угрожающе приподнял свою трость, показывая, что без сдачи он не останется. Не знаю, чем бы кончилось дело, но тут в переулке засту-

чали лошадиные копыта – с Тверской поворачивала карета с опущенными из-за жары занавесками. Теллер быстро разжал кулаки и отвернулся от меня, приняв спокойный и даже немного скучающий вид. Нетрудно было догадаться, что в карете явился тот, кто сейчас решит наш спор, – сам Елисеев.

Как только лошадь остановилась, Теллер подскочил к карете и распахнул дверцу, одновременно закрывая своим телом от меня пассажира, а ногой откидывая лесенку. Он явно хотел, чтобы Григорий Григорьевич, выходя, не обратил на меня внимания, но сам я не был предрасположен отступить в последний момент, а потому, как только из кареты появился черный блестящий цилиндр миллионера, громко поздоровался:

– Добрый день, Григорий Григорьевич! А меня тут ваши башибузуки внутрь не пускают. Говорят, вы вчера выпивши были, сами не ведали, что творили.

Теллер моментально побледнел и бросил на меня взгляд поистине нитроглицериновой мощи.

Сегодня Елисеев ничем не напоминал того, вчерашнего, хвастливого пьяницу из «Тестова». Нет, это был уже привычный публике владелец торговой империи – прямой, как Александрийская колонна, с зализанными назад светлыми волосами, строгим пронизательным взглядом холодно-серых петербургских глаз, смотревших сверху вниз и чуть искоса. Если бы не тени под глазами и набрякшие веки, ни за что нельзя было бы догадаться, что миллионер еще вчера полдня пьянствовал, а ночь провел в объятиях своей очередной московской пассии.

Вероятно, все же такая собранность после бурного времяпровождения требовала от Елисеева недюжинного напряжения сил, потому что мой окрик заставил его вздрогнуть. Когда миллионер обернулся ко мне, я заметил капельки пота на лбу – у самых корней волос.

– Простите, – сказал он тем не менее ровным голосом. – Вчера я действительно позволил себе немного лишнего. Впрочем, мои, как вы говорите, башибузуки отлично знают, что я никогда и ни при каких обстоятельствах не забываю о данных обещаниях. Да-да, я прекрасно помню, что обещал вам показать постройку. Прошу только в ответ об одном – подождите с публикацией ваших впечатлений до открытия. Я нисколько не давя на вас! Мне докладывали, что давить на вас, равно как подкупать, – бесполезно.

Я кивнул.

– Поэтому, – продолжил Елисеев, – я предлагаю принцип: услуга за услугу. Вы можете смотреть сколько вам угодно и где вам будет угодно, не передавая ничего в газеты... Нет-нет, только до дня открытия магазина. А я за это вышлю вам персональное приглашение на торжество. Уверяю вас, таких приглашений будет напечатано совсем немного – только для ограниченного... очень ограниченного круга лиц.

– Все-таки подкупаете, – усмехнулся я. – Не деньгами, так приглашением.

– Не приглашением, а кругом лиц, – возразил Елисеев. – Ну, я же вижу, что вы деловой человек! Все, кто недоступен для вас как либерального журналиста, все будут собраны в одном месте в одно время. Безусловно, я буду делать вид, что совершенно тут ни при чем.

– С чего вы взяли, Григорий Григорьевич, что я – деловой человек?

– Рыбак рыбака видит издалека, – усмехнулся Елисеев. – Ну как? Согласны на нашу маленькую сделку?

И хотя вчера не шло речи ни о каких сделках, поразмыслив, я кивнул. Елисеев жестом отстранил с дороги Теллера и кивнул мне:

– Прошу!

Сотни раз я проезжал и проходил мимо этого старого здания с колоннами работы великого Казакова. Дом этот, выходявший фасадом на Тверскую, был достопримечательным. В двадцатые годы минувшего века его владелица Зинаида Волконская собирала тут литературно-музыкальный кружок, на котором была представлена вся творческая Москва той эпохи.

Сам Александр Сергеевич читал стихи в этих стенах. И с этой стороны дом номер четырнадцать был, без сомнения, памятником русской культуры. Если бы не дальнейшая его печальная судьба – в 70-е этот храм искусства, с великолепной мраморной лестницей, с фресками различных эпох, с копиями знаменитых картин, стоивших не меньше оригиналов, купил подрядчик Самуил Малкиель, сделавший свое состояние на поставках сапог для армии. На первый этаж въехал портной Корпус со своим магазином, а верхние этажи Малкиель отдал под квартиры. Впрочем, и Малкиель недолго владел этим домом – как и многие дворы того времени, дом Волконской «пошел по рукам». Купцы Носовы, Ланины, Морозовы – кто только не покупал это здание. Одно время оно стояло заброшенным, а москвичи старались обходить его стороной – ходил слух, что в старом дворце видели привидение. Оно мелькало в окнах в красном плаще и страшно покрикивало. Впрочем, объяснение этому быстро нашли в охранном отделении, полиция произвела аресты, и вскоре привидение больше не беспокоило проходивших мимо ночных гуляк, отправившись, вероятно, по Владимирскому тракту звенеть самыми что ни на есть материальными кандалами.

Но вернусь к тому, с чего начал, – сотни раз я проезжал и проходил мимо этого старинного здания. Однако то строение, которое открылось передо мной, несколько не походило на прежний дворец фрейлины Волконской. Впрочем, точно так же не походило оно на то, что осталось от вереницы купцов, им владевших в последние годы. Ближе всех к истине оказались те, кто называл эту новостройку «храмом». Сегодня все уже привыкли к внешнему облику и внутреннему убранству Торгового дома Елисеевых, но тогда я был одним из первых зрителей этой архитектурной фуги, в которой коммерческая монументальность обретала поистине музыкальную выразительность.

Я повернулся к Григорию Григорьевичу.

– А что, отделочные работы уже закончены? Я не вижу ни штукатуров, ни маляров.

Елисеев указал на широкий коридор между фасадом здания и деревянной стеной, скрывавшей стройку со стороны Тверской улицы.

– Все работы закончены еще месяц назад. Вы не встретите здесь ни одного рабочего. Они все отправлены теперь в Петербург на строительство такого же магазина в столице.

– Почему же вы не снимаете эти леса? – спросил я удивленно. – Почему не начинаете торговлю?

Елисеев усмехнулся.

– Вы все сами поймете там, внутри.

С этими словами мы вошли в двери, над которыми теперь висела большая красивая вывеска: «Торговый дом братьев Елисеевых».

Если снаружи архитектор постарался на славу, то внутренняя отделка наводила на мысли о безумии – везде лепнина, резные колонны, и все такое массивное, такое монументальное, что поначалу мне показалось, будто здание вывернуто наизнанку – богатый фасад оказался внутри, тогда как внутренняя строгость – снаружи.

– А что будет там? – спросил я, указывая на большую нишу в стене, в которой рабочий в длинном сером фартуке докрашивал резные перила.

– Это место для оркестра и хора. Потом ее уберут.

– Жаль, очень красиво получилось.

– Да, но совершенно бессмысленно для дела торговли.

Опустив глаза, я обратил внимание на прилавки, за которыми происходило странное действие: группки хорошо одетых, подтянутых, как гусары, стриженных «под американку» молодых людей хором повторяли за стоявшим посреди торгового зала учителем немецкие фразы. Я не был силен в немецком, но уловил, что речь идет о каком-то сыре или фруктах.

– Что они делают? – спросил я у Елисеева.

– Учатся обслуживать немцев.

– Зачем, – удивился я, – разве у вас только немцам разрешат покупать?

– А еще они учат английский и французский, – ответил Григорий Григорьевич. – Мой продавец должен знать, в нужных, конечно, пределах, помимо родного, еще три языка. Мы торгуем товаром со всего света, Владимир Алексеевич. Многие иностранцы придут сюда покупать знакомые продукты, редкие в России, но привычные в их странах. Для этого мой продавец и не должен оплошать.

– О каких товарах речь?

– Например, о деревянном масле. Вы бывали в Италии или Испании, Владимир Алексеевич?

Я усмехнулся:

– В Сербии бывал, по службе. Воевал там. В Албании меня чуть в тюрьму не посадили, слава богу, товарищи предупредили. Но вот западнее быть не приходилось пока.

– Деревянное масло производят в Южной Европе, да еще на Востоке, – сказал Елисеев, покачиваясь с пятки на носок, – из плодов оливковых деревьев. Отчего оно и называется деревянным. Итальянцы добавляют его куда только можно – и в хлеб, и в суп, и в разнообразные салаты. И безусловно, жарят на нем свою простую пищу. Итальянская кухня, несмотря на ее грубость и народную простоту, тем не менее отличается благодаря этому маслу отменным вкусом. Самые бедные крестьяне просто обмакивают кусочки хлеба в это масло и – сыты, веселы и здоровы. Я и сам так делал. Поверьте, с солью этот кусочек чабатты с деревянным маслом на чистом средиземном воздухе, да еще приправленный живым итальянским ландшафтом... Такое блюдо может поспорить с любым королевским деликатесом, если, конечно, до того ты много гулял по прекрасным холмам и долинам Италии!

– Да вы поэт, Григорий Григорьевич, – пораженно сказал я, наблюдая, как преобразилось его холодное высокомерное лицо.

Но он моментально опустил меня с небес на землю:

– Нет-нет, просто, продавая новый продукт, мы должны заинтересовать публику. Любой продавец в этом зале расскажет о своем товаре так, что покупатель обязательно захочет его попробовать. А значит – купить.

– Например, я! После вашего рассказа я не прочь бы попробовать этого самого деревянного масла.

Елисеев вынул из жилетного кармана тонкий золотой брегет. Щелкнул крышкой и, прищурившись, посмотрел на циферблат.

– Мы здесь не выпекаем своего хлеба, чтобы не конкурировать с соседом, господином Филипповым. Его дело поставлено так хорошо, что конкуренции нам в хлебопечении не выдержать. Давайте я пошлю сейчас человека к Филиппову за свежим ситником, а потом спустимся вниз, к прессу для масла – заодно увидите, как мы его тут производим. Уверяю, такого в России нигде больше нет. Да и в Европе такая технология доступна не многим.

Но он не успел никого послать в булочную – быстрым шагом к Елисееву подошел Теллер и начал что-то тихо шептать в самое ухо, для чего ему понадобилось встать на цыпочки. Елисеев поморщился – ему была явно неприятна такая близость охранника. Но он не отодвинулся. Похоже, информация и вправду была важной и срочной.

– Где? – спросил Елисеев, когда Теллер закончил докладывать.

– Сейчас в оберточном цехе, наверху, – ответил старший охранник.

– Как же он из мадерной, да в оберточный? – сердито буркнул Григорий Григорьевич.

– Не успели поймать, – пожал плечами Теллер. – Не ждали вот так – среди белого дня. Может, он ночью пробрался в мадерную, а сбежать не успел. Затаился там. А потом понял, что могут случайно найти, и рванул напролом. Да только лестницей ошибся – вместо улицы попал на второй этаж, в оберточную.

– Вора поймали? – спросил я с любопытством.

Теллер сердито покосился на меня, а Елисеев ответил:

– Нет, не вора. Вы подождите тут, Владимир Алексеевич, мы сейчас вернемся. И думаю, не одни.

Елисеев с охранником ушли, а я остался наблюдать за уроком немецкого.

Прошло несколько минут, в течение которых продавцы монотонно повторяли фразы за учителем, и вдруг они начали кричать. Сначала это был один изумленный возглас: «Смотри! Туда! Туда!» Потом голосов стало больше: продавцы и приказчики – все поворачивались в сторону ниши наверху и, забыв о хороших манерах, тыкали пальцами в фигуру в красном, которая вдруг возникла из глубины и натолкнулась на рабочего, почти окончившего красить перила. От неожиданности рабочий выронил ведро с краской и громко выругался. Поперек фартука у него теперь красовалась белая полоса – там, где он прислонился к свежепокрашенному. Я даже успел проследить весь путь ведерка до пола, где оно с громким стуком приземлилось, выплеснув краску на пол.

Я снова вскинул голову и заметил, как позади фигуры в красном возник Теллер. Он схватил беглеца и потянул внутрь ниши, но его противник, пытаясь освободиться, рванулся назад. Раздался треск, перила проломились, и человек в красном упал. Теллер едва удержался на краю ниши, схватившись правой рукой за фартук рабочего.

– Твою мать! – сказал кто-то.

В наступившей тишине было слышно только хриплое, тяжелое дыхание Теллера.

– Что там? – спросил он наконец и наклонился вперед.

Тут в нише показался и Елисеев. Хозяин магазина подошел к своему главному охраннику и тоже посмотрел вниз на тело. Потом перевел взгляд на меня.

– Гиляровский! – крикнул он. – Можете проверить, что случилось с этим... господином?

– Кажется, это женщина, – крикнул я в ответ, опускаясь перед телом, лежащим спиной вверх. Голова погибшей была вывернута в сторону, но лицо закрывали рассыпавшиеся волосы.

– Женщина? – с недоумением ответил сверху Елисеев. – Какая к черту женщина?! Кто-то из наших?

В торговом зале заметно прибавилось народу – кроме продавцов сюда, видимо, подтянулись рабочие из соседних цехов – кондитерского и сортировки фруктов. Елисеев тут же заметил беспорядок и велел всем разойтись по своим местам. Его послушались беспрекословно. Может, и были недовольные приказом разойтись, но я был занят осмотром тела. И поэтому не заметил, как рядом на корточки опустился подошедший Теллер. Он своими короткими пальцами разгреб, как траву, волосы мертвой и крикнул вверх:

– Нет, Григорий Григорьевич, не из наших!

– Точно? – строго спросил Елисеев.

– Точно так!

– Плохо.

Теллер стал переворачивать тело погибшей.

– погоди! – возмутился я. – Надо оставить все как есть для полиции! Нельзя трогать труп!

– Полиции? – переспросил меня старший охранник.

Я многозначительно посмотрел на него и кивнул.

Тогда Теллер нехотя отпустил тело и поднялся на ноги. Я же накрыл краем бордовой гардины, валявшейся рядом, лицо несчастной и тоже встал. Скоро к нам присоединился и Елисеев – несколько минут мы стояли в молчании над телом. Потом я спросил:

– Ну, кто вызовет полицию?

– Я, – ответил Елисеев. – Это мой магазин, мне и отвечать за происшествие.

Потом он повернулся ко мне.

– Владимир Алексеевич, – я вынужден прервать эту экскурсию. Буду рад увидеть вас в начале следующего месяца, когда снова навещу Москву.

Я понял, что меня выставляют. Но я не мог просто так уйти.

– Погодите, Григорий Григорьевич, – воскликнул я. – Вам же может понадобится свидетель.

– Свидетель? – усмехнулся Теллер. – Смотри, сколько у нас тут свидетелей! – Он обвел рукой торговый зал.

Но я упрямо посмотрел Елисееву в глаза.

– Дайте слово, что полиция будет извещена о происшествии. Или это придется сделать мне самому.

Елисеев долго и задумчиво смотрел на тело. Я понимал, что такой скандал, да еще перед открытием магазина, ему был совершенно не нужен. Но и я не собирался отступать. Наконец он поднял взгляд на меня:

– Слово? И вы поверите моему слову? Слову коммерсанта?

– Поверю вашему слову, Григорий Григорьевич, – сказал я твердо. – Потому что вы не обычный купчишка, а человек новой волны. Вы слишком богаты, чтобы обманывать. Да и судя по тому, как у вас тут поставлено дело, продавать гниль за свежий товар вам не с руки. Не так ли?

Елисеев вдохнул.

– Этаким вы глазастый, Владимир Алексеевич! Хорошо. Я могу пообещать вам, что полиция узнает о смерти этой несчастной.

Он протянул мне руку, и я пожал ее перед тем, как откланяться. Но в последний момент мне показалось, что серые глаза миллионера застыли, как две петербургские льдины.

Глава 3. Самоубийца

Спал я тревожно – может быть, из-за непривычной тишины в комнатах, а может, виной тому были события, произошедшие вчера вечером. Я долго ворочался с боку на бок в своей кровати, вставал выпить воды из графина, однако ни вода, ни ночная прохлада (все окна на ночь мы открыли) не избавляли полностью от тяжелой духоты. Я даже пожалел, что не уехал вместе со своими на дачу – там сейчас, наверное, куда свежее, чем в Москве. В третьем часу утра я встал и заглянул в комнату Коли – так и есть! Он тоже не спал, а читал при свете ночника книгу.

– Что читаешь, Николай? – спросил я.

– Загоскина, – ответил мальчик, не поднимая головы.

– Скоро уж рассветет. А ты так и не ложишься.

– Так и вы не спите, Владимир Алексеевич, – ответил Коля, зевая. – Отсюда слышно, как ворочаетесь и ходите.

– Я уже старый, мне долго спать нельзя. Так весь остаточек жизни и проспай.

– Тю! Да какой вы старый?

– Ладно, ладно...

Я постоял еще в дверях, глядя на читающего Колю. Никогда и никому на свете, даже жене Маше, я бы не признался, что он почти заменил мне умершего во младенчестве сына. Никогда и никому, потому что не хотел слишком сильно привязывать Колю к себе – он был парнем самостоятельным и умным, но и так уже начинал видеть во мне непререкаемый авторитет, даже подражать в своих, пока еще юношеских рассказах. Нет, если уж он выбрал литературную стезю, то пускай идет по ней самостоятельно, без внешнего давления. Да и в жизни не стоит все время держаться за отцовскую руку – я и сам рано ушел из дома, бродить по России, зарабатывать на хлеб своим трудом, оттого и знаю, как важно жить своей головой. Поэтому и стал тем, кем стал.

Коля поднял голову:

– Случилось что, Владимир Алексеевич?

– Нет, Коля, ничего не случилось. Спи.

Я ушел к себе, лег на кровать и закрыл глаза. Тотчас передо мной возникла картина – как мы втроем стоим над телом несчастной девушки, сломавшей шею при падении с галереи, и я требую от Елисеева, чтобы тот заявил в полицию о происшествии. Почему я сам не сделал этого? Почему доверился честному слову коммерсанта?

Но, вероятно, организм все же израсходовал все нервное напряжение, отпущенное мне на сегодня, – как только в спальне стало совсем светло, я заснул.

Проснулся я поздно – часы на стене показывали уже десять. Встав, по привычке сделал гимнастику и пошел умываться. На кухне Коля уже пил чай со свежими бубликами, намазывая на них масло.

– Газеты где? – крикнул я ему, перекидывая полотенце через плечо.

– Здесь.

– Хорошо. Налей и мне чаю покрепче, сейчас приду.

Посвежевший и окончательно проснувшийся после умывания, я вернулся на кухню.

– Нет ничего лучше холодной воды по утрам, Николай. Ты небось себе воду для умывания греешь? А вот я как Суворов – даром что из ведра не обливаюсь. Оттого зараза ко мне не липнет.

– Ха, – сказал Коля, – читал я про Суворова. Он хоть и обливался, зато болел часто. Так что еще неизвестно, какая полезней для здоровья – холодная вода или теплая.

– Ты думаешь? – рассеянно спросил я, разбирая утренние газеты. Но сколько я ни просматривал их, ни в одной не было даже двух строк о происшествии в магазине Елисеева. Да что же такое! Неужели Григорий Григорьевич меня обманул?

– Вы про утопленницу ищите? – вдруг спросил Коля, двигая ко мне масленку.

– Какую утопленницу?

Он взял «Московский листок», развернул и показал внизу, на третьей полосе, заметку о том, что сегодня в пять утра дочка профессора московского университета Мураховского, Вера, восемнадцати лет, бросилась с моста Водоотводного канала¹, вероятно, с целью утопиться. Однако из-за того, что от жары канал сильно обмелел, она попала головой на место, где вода была неглубока. Потому Вера Мураховская скончалась на месте от перелома шеи, а течение не успело отнести тело. Несчастная самоубийца была обнаружена прохожими, которые и вызвали полицию.

Я с досадой бросил газету на стол. Все-таки обманул меня Елисеев! Все-таки соврал! И ведь идти теперь в полицию слишком поздно – ничего не докажешь! Продавцы магазина будут молчать, чтобы не лишиться места, а акт о самоубийстве, наверное, уже составлен – ни один следователь не оспорит этот акт, чтобы не портить статистику по уголовным делам. Ни один? Нет-нет, есть такой человек в Сыскном отделении!

Я выглянул в окно. Мой личный извозчик Ванька по прозвищу Водовоз уже стоял на противоположной стороне переулка, рядом со стройкой, и о чем-то переговаривался с каменщиками. Надев летний пиджак, я подхватил трость и нахлобучил на голову кепку.

– Коля, я уехал! Когда буду – не знаю. Слышишь?

– Ага!

Сев в пролетку, я приказал Ивану ехать в Малый Гнездиковский переулок, где находилось Сыскное отделение. Утреннее солнце уже всю пропекало Первопрестольную, прохожие старались держаться теневой стороны улиц. Только постовые потели в своих наглухо застегнутых кителях, время от времени снимая фуражки и вытирая пот со лбов. Водовоз ехал, как всегда, быстро – не успел я поудобнее устроиться на сиденье, а уже надо было вылезать. Мы договорились, что Иван подождет меня в тенечке неподалеку, и с тем расстались – я пошел в здание, куда обычный человек без особого приглашения старался не заходить. Спросив у дежурного при входе, здесь ли сейчас Захар Борисович Архипов, я направился в уже знакомый кабинет номер 204, обставленный по-спартански просто: стол, два стула и большая картотека. Сам Архипов, правда, находился в коридоре и наблюдал, как двое рабочих под управлением инженера компании «Белл» вешают ему на стену телефонный аппарат.

– Что, Захар Борисович, решили все-таки шагнуть в двадцатый век? – спросил я, протягивая руку.

Архипов протянул свою сухую сильную кисть и поморщился:

– Приказ начальства. За счет городской казны. Лучше бы купили аппараты Эриксона – они, говорят, надежнее. А в эти ящики хоть полдня кричи – не докричишься. Вы сами-то, Владимир Алексеевич, все без телефона живете? Уж кому как не вам, репортеру, нужна эта адская машинка.

Я кивнул:

– Уже подписал договор.

– С «Беллом»?

– Нет, с «Эриксоном». Редакция оплачивает половину суммы за установку и половину всех счетов за разговоры.

¹ Водоотводным раньше назывался Обводной канал в Москве.

– Неплохо. Вот и будем перезваниваться. Вы ко мне по делу? Впрочем, конечно, по делу. Разве сюда без дела приходят? Особенно такие либеральные господа, как вы.

– По делу, Захар Борисович, по делу.

– Так... Поскольку вся эта история с телефонизацией моего кабинета закончится еще не скоро, пойдемте разве что в камеру.

– В камеру? – удивился я. – Вот так сразу? Без суда?

– В камере у нас хотя бы прохладно. И никто не помешает. А по результатам разговора я решу, выпускать вас на свободу или оставить за решеткой, благо вы сами явились.

– Ну, в камеру, так в камеру.

Мы прошли по коридору мимо лестницы вниз, мимо дверей других кабинетов – некоторые были распахнуты из-за жары, потом Архипов подвел меня к еще одной двери, которая ничем не выделялась, и постучал.

– Михалыч, открой, это я, Архипов.

Дверь отворил пожилой дядька с пухлым рукавом вместо левой руки.

– Здравия желаю, Захар Борисович!

– И тебе. Мы тут с господином репортером потолкуем в камере.

Михалыч смерил меня тяжелым взглядом:

– Что, попался, голубчик? Смотри, какой здоровенный! Убил кого?

– Так точно, дядя, – отрапортовал я. – Вот давеча швейцар в ресторан не пускал, так я его и пришиб.

– Ах, душегубец, – насупился сторож камеры, – вот посидишь у меня, а потом в Сибирь в кандалах потопашь. Будешь знать, как невинных людей убивать.

– Шутит он, Михалыч, – сказал Архипов, а потом повернулся ко мне: – Или не шутите, Владимир Алексеевич? С вас станется и швейцара пришибить. Не поэтому ли вы ко мне заявились?

– Шучу, шучу, – засмеялся я, – впрочем, дело мое действительно касается одной смерти. Только я в ней не виновен. Ведите в свои прохладные тенета, все расскажу как на духу.

Михалыч посторонился, и мы спустились по полутемной крутой лесенке куда-то ниже первого этажа. Лесенка упиралась в металлическую дверь с обычной тюремной решеткой. Архипов потянул дверь на себя и первым вошел в камеру, а я – следом за ним.

Это была маленькая полуподвальная комната с небольшим зарешеченным окном под самым потолком. Из мебели – только металлическая кровать, табуретка, привинченная скобами к каменному полу, такой же стол со столешницей, обитой старой клеенкой, да ведро в углу, прикрытое куском грязной фанеры.

– Да, – произнес я, оглядевшись, – бедновато, но и вправду прохладно. Для кого это вы держите такие апартаменты?

– Ну уж не для вас, – ответил Архипов, присаживаясь на кровать и указывая мне на табуретку. – Вы тут и так с трудом помещаетесь. Садитесь и рассказывайте. Полчаса у нас есть, а потом мне надо будет идти принимать работу этой телефонной артели.

Я сел на табурет и честно рассказал сыщику все, что со мной произошло за два последних дня. Он выслушал не перебивая, потом задал несколько грамотных уточняющих вопросов и задумался.

– Получается, Владимир Алексеевич, вы были свидетелем происшествия и не уведомили полицию.

– Так Елисеев мне пообещал сделать это!

– Елисеев! Он сейчас небось уже в Петербурге. Да и спросить с него будет нелегко – миллионер все-таки, общественный деятель! К тому же вы совершенно правы, если уже подписан протокол о самоубийстве, то вернуть дело на доследование будет очень трудно. На каких основаниях?

– На основании моих слов.

Сыщик скептически посмотрел на меня.

– Так все-таки вам угодно попасть под статью «недоносительство о преступлении»? К тому же, судя по вашим словам, Теллер, если мы вернем дело на следствие, не погнушается в крайнем случае свалить все на вас. Вы там были? Были. Смерть девушки произошла при вас? При вас. В полицию вы не обращались? Нет. Среди работников магазина Теллер обязательно найдет одного-двух, которые покажут, что это именно вы и столкнули девушку. Может такое быть?

– Может, – признался я. – Так что же делать, Захар Борисович?

– Зная вас, полагаю, вы не отступитесь?

– Не отступлюсь.

– Ну что же, – хлопнул себя по коленям сыщик. – Вам не впервой отнимать хлеб у нашей конторы. Чем могу – помогу. Вы ведь ехали ко мне, зная, что именно этим кончится? Вам просто было нужно мое содействие?

– Вообще-то я надеялся, что вы сами займетесь этим вопросом, – чистосердечно признался я, – какой из меня следователь?

– Уж какой есть, – ответил Архипов. – Что вам нужно? Адрес профессора Мураховского? Сейчас отыщем. Еще что?

– Мне нужны все подробности о кружке студентов – революционеров, собиравшихся в 70-е в подвале этого дома, – сказал я. – Мне нужна подробная история того, прежнего, Красного Призрака. Все, что я слышал об этом до сих пор, – скорее из области легенд. Мне нужен поименный список членов кружка и отчеты о поимке группы.

Архипов задумчиво почесал висок.

– Вы хотите, чтобы я зашел на чужую территорию, Владимир Алексеевич? Это вам надо не в Сыскной обращаться, а в жандармерию.

– А там у меня друзей нет, – беспечно ответил я.

Архипов посмотрел на меня удивленно – я впервые назвал его другом. Хотя мы находились по разные стороны баррикад, однако события последних трех лет сблизили нас – мы вполне могли бы стать друзьями. Хотя... конечно, не прилюдно.

– Ладно, – сказал сыщик после неловкой паузы – вероятно, и ему в голову пришли те же мысли, что и мне. – Что смогу, то сделаю. Постараюсь успеть к вечеру. Сам приеду к вам в Столешников с этими списками. Не почтой же их отправлять!

– Спасибо, – поблагодарил я. – А теперь выпустите меня отсюда, а то я уже озяб в вашем узилище.

Архипов, не вставая с койки, посмотрел на меня внимательно.

– Я вот думаю, – произнес он, – а не оставить ли вас тут, Владимир Алексеевич, действительно под замком? Чую я, с моей стороны это было бы более благоразумно, чем ввязываться с вами в очередную авантюру.

Сидеть и ждать у моря погоды – нет, такого никогда не было в моей натуре. Выйдя, наконец, на улицу из камеры Сыскного отделения, я отпустил Ивана на вольные хлеба до вечера, а сам пешком пошел к Козицкому переулку, чтобы поговорить с Теллером. Я был уверен, что именно он предложил избавиться от тела девушки, инсценировав ее самоубийство – вряд ли Елисееву хватило бы на это порочной фантазии.

Как я и предполагал, на мой стук в дверь охраны никто не ответил – видимо, сторожа получили категорический приказ не пропускать репортера Гиляровского. Да только от меня так просто не отделаешься – уж если я решил сегодня же поговорить с Теллером, так сделаю это, чего бы мне ни стоило! Я вернулся на Тверскую и огляделся – ага! Неподалеку ошивался мальчишка лет четырнадцати – в дырявых штанах и почти черной от грязи рубахе, подпоясан-

ной куском бечевки. Он приставал к редким прохожим, выпрашивая милостыньку – по копейке.

– Эй! Хочешь заработать, парень? – крикнул я ему.

Попрошайка недоверчиво приблизился.

– А че делать-то? – спросил он ломающимся голосом.

– На тебе рубль. Беги на Тверскую площадь к пожарной части и кричи, что вот за этим забором – пожар.

– Так меня прибьют, если поймают потом.

– А ты не попадайся. Придешь вечером в Столешников переулок, спросишь, где живет репортер Гиляровский. Или просто – Гиляй. Получишь еще рубль. Понял?

– Понял, – кивнул мальчишка. – Ты, что ли, будешь Гиляй?

– Я.

– Не забудь. А то расскажу, что это ты меня подучил.

– Беги, беги, уж не забуду, не сомневайся!

Мое поручение паренек выполнил в точности. Конечно, пожарный экипаж с грохотом и колокольным тревожным звоном не подкатил к забору – я на это и не рассчитывал. Зато не прошло и четверти часа, как подошел пожарный инспектор – проверить, на всякий случай, – правду ли кричал мой артист. Он долго ходил вдоль забора, приняхиваясь, пока я не указал ему на дверь, встав сбоку так, чтобы охрана меня не заметила. Инспектору на его стук открыли, и он потребовал впустить его для проверки информации о возгорании огня. Поскольку никакого пожара на самом деле не было, охранник начал препираться с инспектором, но тот был терпеливым калачом и пригрозил вызвать прямо сейчас пожарную команду, которая топорами и баграми разберет весь этот чертов забор по досточке. Тут-то охранник и понял, что спорить дальше становится опасно. Он попросил подождать, пока сбегает за старшим. Воспользовавшись его отсутствием, я подошел к инспектору, предъявил ему свой билет добровольного помощника пожарной охраны, выданный мне главным брандмейстером Москвы. Этот билет, впрочем, почти не пригодился – мое имя было хорошо известно московским пожарным, с которыми я не раз выезжал по тревоге. Инспектор, представившийся в ответ Петром Никитичем, охотно согласился, чтобы я сопровождал его в качестве помощника. Так что, когда явился Теллер, я уже стоял с самым невинным видом за плечом инспектора. Теллер заметил меня, но сделал вид, будто ему совершенно все равно – есть я или меня нет. Он заявил, что никакого пожара в здании не существует и что он вообще не понимает, отчего это инспектору вздумалось проводить проверку. Но Петр Никитич был из старых служак – если уж он получил задание, то намеревался выполнить его во что бы то ни стало. Кроме того, как я начал подозревать, ему и самому было любопытно, что же за такое архитектурное чудо, о котором все говорят, скрывается за забором. Поэтому он пригладил свои седые усы и снова пригрозил вызовом пожарной команды, если его не впустят. Тут Теллер, кажется, догадался, чьих рук это дело. Он прожег меня яростным взглядом и посторонился, пропуская инспектора, но стараясь при этом не дать пройти мне. Однако Петр Никитич не оплошал. Он повернулся и позвал меня к себе.

– Погодите! – сердито прошипел Теллер. – Вас я пропускаю как инспектора пожарной охраны. А вот при чем тут репортер? Или теперь пожарные получают комиссионные в редакциях?

Зря он сказал это. Петр Никитич остановился как вкопанный.

– Так-так, – холодным голосом произнес он. – Ты, любезный, болтай, болтай, да меру знай. А то сейчас потребую у тебя всю документацию на предмет соответствия пожарной безопасности, а потом выпишу предписания на переделку здания, как создающего угрозу.

Конечно, инспектор блефовал, таких полномочий у него не было – для исполнения этой страшной угрозы потребовалось бы создание нескольких комиссий. Но я надеялся, что Теллер этого не понимает. В конце концов его делом было обеспечение охраны, а не документооборот.

Он следил, чтобы никто не забрался за забор, не причинил ущерба имуществу, чтобы работники не воровали, да еще охранял Елисеева, когда тот приезжал из Петербурга. Остальное не было его заботой. Так что нехитрый обман инспектора Теллер не раскусил. Он посторонился, пропуская меня, и пока мы шли ко входу, шепнул:

– Твоя работа, Гиляровский?

– Моя, – с удовольствием ответил я.

– Зачем?

– Поговорить надо, Федор Иванович.

Теллер сплюнул на землю.

– Поговорим!

Это прозвучало угрожающе, однако мне в жизни угрожали и более солидные бандиты, чем какой-то начальник охраны магазина.

Внутри Теллер подозвал старшего продавца из отдела колониальных товаров и попросил его пройти с пожарным инспектором по всем помещениям, куда тот пожелает попасть. Наконец Петр Никитич ушел, предвкушая увлекательную экскурсию, и тогда Теллер отвел меня в сторонку – к двум резным колоннам.

– Ну, что вам нужно?

– Обманули вы меня вчера, Федор Иванович! – сказал я укоризненно. – Вы, а главное, Григорий Григорьевич. Обещали, что обратитесь в полицию, а сами...

– Я и обратился, – раздраженно ответил Теллер.

– Да перестаньте! – сердито воскликнул я. – Вы отвезли девушку в Замоскворечье и сбросили с моста в Обводной канал. Я сегодня утром читал об этом в «Московском листке». Или скажете, что я не прав?

– Не во всем. Я действительно сделал так, как вы сказали. Но это именно я сразу позвал городского и указал на тело. Так что с формальных позиций я выполнил все, что обещал Григорий Григорьевич. Я вызвал полицию? Да. Просто никто не давал вам слово, что полицию вызовут именно сюда, в магазин.

Я заскрипел зубами. Облапошили!

– Чья была идея с мостом? – спросил я. – Ваша, Теллер, или Елисеева?

– Моя, – тут же ответил охранник. На мой взгляд, слишком поспешно.

– Врете, Федор Иванович!

Он пожал плечами и отвернулся.

– Этой трагедии можно было избежать, – сказал я, – если бы вы тогда дали мне время рассказать про тайные ходы под этим домом.

– Тайные ходы? – спросил Теллер безучастно. – Нет там никаких тайных ходов. Все подвалы специально проверялись и ремонтировались. Если бы рабочие нашли какие-либо норы или ходы, они бы тут же мне доложили. Поверьте.

– Но ведь эта девушка как-то появилась в магазине. Да и раньше ваши продавцы видели Красного Призрака – мне Елисеев сам об этом рассказывал.

Теллер осмотрелся по сторонам – не подслушивает ли нас кто, а потом повернулся ко мне и отчетливо произнес:

– Послушайте, Гиляровский, не суйте нос не в свое дело. Вы не понимаете – Елисеев вкладывает в этот магазин миллионы. И доход собирается получать не меньший. Вы даже не представляете себе размаха его дела, всей этой огромной торговой машины, которая ждет только сигнала, чтобы начать приносить ассигнации. Вы думаете, я как начальник местной охраны позволю вам вставлять Елисееву палки в колеса? Да будь вы хоть сам генерал-губернатор, хоть царица Савская, ничего у вас не выйдет. Вы же денег хотите, Гиляровский? Отступных хотите? Сколько вам нужно, чтобы вы перестали вертеться под ногами? Говорите сейчас.

Я позвоню Григорию Григорьевичу, и если он согласится на расходы, выплачу вам. А после – проваливайте, чтобы и духу вашего тут не было!

– Дурак ты, Теллер, – сказал я сухо. – Погибла девушка. Ты ее опозорил, выставил самоубийцей. При чем тут деньги? Учти, я все равно выведу тебя и Елисеева на чистую воду. Будете у меня знать, как обманывать Гиляровского.

Я еле сдерживался, чтобы тут же не двинуть Теллера по зубам – прямо под его светлые усики. Но и он, кажется, уже с трудом держал себя в руках. Дело непременно кончилось бы дракой, однако начальник охраны неимоверным усилием подавил свою ярость.

– Посмотрим, – сказал он. – Посмотрим. А пока прошу покинуть магазин.

И я ушел, твердо решив для себя, что наша встреча с Теллером – не последняя.

Глава 4. Профессор Мураховский

Вечером, когда я дома по памяти записывал в тетрадь свой разговор с Теллером, Коля позвал меня из прихожей. Выйдя из кабинета, я увидел Архипова, который крепко держал за плечо мальчишку-попрошайку, посланного мной к пожарной части.

– Вот, крутился у ваших дверей, Владимир Алексеевич, небось шпионил.

– Нет-нет, – сказал я, улыбаясь, – это мой помощник.

Я вынул из кармана два рубля и отдал пареньку. Так ничего и не сказав, он выхватил деньги из моей руки, крутанулся на месте, высвободив плечо из руки Архипова, а потом заспешил вниз по лестнице.

– Как это швейцар пропустил? – удивился ему вслед сыщик.

– Он привычный. Ко мне кто только не ходит. И писатели, и художники, и каторжники, бывает. Вы раздевайтесь, снимайте пиджак, у нас тут все окна открыты, но все равно душно-вато. Пойдемте в гостиную, там прохладней, угощу вас квасом с ледника.

Архипов прошел за мной и огляделся.

– А где ваша очаровательная хозяйка, Мария Ивановна?

– На дачу все уехали. Мы тут вдвоем с Колей остались. Это мой секретарь на вырост.

Архипов сел на предложенный стул и раскрыл портфель.

– Вот, достал, – сообщил он, вынимая папку серого цвета с завязками. – Поскольку дело давнее, особых проблем не возникло. Сказал, что собираю статистику по подземным тайникам – их могут использовать не только политические, но и уголовные. Кстати, так оно и есть – помните подвалы под рестораном «Крым»? Там, на Неглинной, сначала собирался тайный кружок народовольцев. Строили планы цареубийства. А уж потом начали прятаться и блатные.

Я кивнул. Архипов мог и не знать, что теперь в тех местах обосновалась банда с Кавказа, открывшая настоящий подземный игорный дом. Мне живо вспомнился их несчастный предводитель – юноша на инвалидной коляске, просто по факту своего рождения вынужденный вести жизнь главаря этой шайки. Полгода назад я пообещал не выдавать его тайну и с тех пор хранил данное обещание.

– Разумеется, перед визитом к вам я просмотрел бумаги. И вот что скажу, Владимир Алексеевич, вы попали в самую точку. Уж не знаю, случайно или намеренно, но что есть, то есть.

– Вот как? – удивился я. – Честное слово, я собирался просто посмотреть фамилии в списке, а потом попытаться найти кого-то из него, чтобы понять, как Вера Мураховская проникала внутрь хорошо охраняемого магазина.

– Смотрите сюда, – Архипов положил передо мной список с именами и ткнул пальцем в одно из них.

– «Павел Ильич Мураховский, 1858 года рождения, студент университета», – прочитал я.

– Неужели отец?

– Родной отец Веры Павловны Мураховской.

– Вот это поворот!

– Точно. Из этого постановления суда можно узнать, что товарищи заявили во время следствия, будто Павел Мураховский никакого участия в подпольном студенческом кружке не принимал, попал на одно из заседаний случайно, а тут – облава, арест и так далее. Так что его за неимением улик пришлось отпустить после профилактической беседы. Как видим, зря.

– А может быть так, что друзья специально выгораживали молодого Мураховского?

– Думаю, да. И не зря. Скорее всего, он был одним из лидеров кружка, и если бы следствие велось более тщательно, пошел бы Мураховский в Нерчинск, – недовольно проворчал сыщик.

А я подумал, какие смелые и верные друзья были у нынешнего профессора!

– Честно говоря, – продолжил Захар Борисович, – следствие по этому делу велось ни шатко ни валко, потому что кружок особой опасности не представлял. Никаких террористических актов они не планировали, просто собирались, обсуждали революционные идеи, проносили речи и писали прокламации. Все как обычно. Закончилось дело также без особых трагедий. Двоих отчислили из университета, а остальные отделались предупреждением. Вот и все восстание.

– А как же Красный Призрак? – спросил я.

Архипов махнул рукой:

– Обыкновенное баловство. Чтобы посторонние не мешали собираться, один из кружковцев надевал красную мантию и мелькал в окнах первого этажа с завываниями. Вот и весь ваш призрак!

– Но как они проникали в здание? Через парадный вход?

– А вот тут уже интересней, – оживился сыщик. – Судя по акту осмотра места преступления, существовал ход из соседнего дома прямо в подвал здания номер четырнадцать по Тверской улице. К сожалению, следователь был так небрежен, что даже не указал, где именно этот ход располагался! Черт-те что, а не работа!

– Но Теллер сказал мне, что в подвалах был проведен ремонт и рабочие не обнаружили никаких ходов.

Архипов пожал плечами.

– Может, пропустили при работах? Я нашел вам нынешний адрес Павла Ильича Мураховского, он сейчас в Москве – вернулся с дачи, узнав о смерти дочери. Мураховский – вдовец. Больше детей у него нет. Так что остался совсем один. Не знаю, правда, как он отнесется к вашему визиту, Владимир Алексеевич, но если хотите, запишите: Газетный переулок, дом семнадцать, квартира восемь.

Я записал. Архипов собрал со стола бумаги, извинившись, что не может оставить их у меня – документы казенные, уже то, что он ознакомил с ними постороннее лицо, было серьезным проступком. Мы попрощались, и Архипов, так и не допив квас, ушел.

Следующим утром Иван отвез меня в Газетный переулок к трехэтажному дому. Весь второй этаж снимал для своей семьи купец Захаров, в молодости начинавший со скупки всякого тряпья, старой одежды и дырявых кастрюль, а ныне владевший тремя мясными лавками, две из которых располагались неподалеку на Тверской. Профессор Мураховский жил на третьем этаже в скромной четырехкомнатной квартире. На всякий случай я попросил Ивана никуда не уезжать – опасаясь, что убитый горем Мураховский откажется меня принять. И я был почти прав. Он сам открыл мне дверь – небольшого роста, сутулый, с красивой седой прядью в темных волосах, нечисто выбритый и, кажется, не спавший этой ночью, о чем говорили его воспаленные покрасневшие глаза.

– Что вам угодно?

– Павел Ильич? – спросил я.

Мураховский кивнул.

– Меня зовут Владимир Алексеевич Гиляровский. Я журналист и писатель.

Эти слова произвели на Мураховского вполне ожидаемое впечатление. Он вскинул голову, гневно посмотрел мне в лицо и прошипел:

– Извольте пойти вон! Как вам не стыдно, в конце концов. У меня такое горе, а вы ищете тут скандальных подробностей! Уходите немедленно, или я позову моих студентов!

Он собирался уже толкнуть меня, чтобы захлопнуть дверь, что при его маленьком росте и субтильной комплекции было бы делом бесполезным. Но я решил привлечь его внимание сразу, без лишних вступлений.

– Вера не прыгала с моста, – быстро сказал я. – Она погибла совсем в другом месте. И совершенно при других обстоятельствах. Она не кончала жизнь самоубийством.

Профессор застыл. Ему требовалось время, чтобы осознать смысл сказанных мною слов. Воспользовавшись паузой, я вновь повторил, что Вера погибла не под мостом, а в другом месте.

– Откуда вы знаете? – спросил Мураховский.

– Я был свидетелем ее смерти.

Профессор недоверчиво посмотрел на меня, а потом шире открыл дверь.

– Проходите.

Через маленькую темную прихожую, где на вешалке висели зонт и две шляпы, мы прошли коридором в гостиную, служившую также библиотекой. Массивные дубовые шкафы по стенам комнаты были не просто заполнены книгами – они были ими забиты так, что некоторые тома торчали наружу, как будто у хозяина просто не хватило сил, чтобы втиснуть их глубже. В старом английском кресле сидел молодой человек с шапкой густых русых волос, длинным носом и с потухшими большими глазами. На диване неловко примостились еще двое – юноша с короткой стрижкой под бобрик, коренастый и приземистый, и довольно полная девушка с толстой светлой косой. Лицо ее было невыразительно, а скромное платье, купленное явно в магазине готовой одежды, сидело плохо, отчего девушка была похожа на прислугу.

– Друзья моей Верочки, – сказал профессор печально. – Пришли поддержать в трудную минуту.

Пара с дивана поздоровалась со мной, а юноша в кресле промолчал.

– Это Боря, жених Веры, – пояснил Мураховский. – Извините, но нам всем сейчас тяжело. – Он повернулся к паре на диване: – Я покину вас ненадолго. Мне надо поговорить с этим господином. Я буду в кабинете. Друзья мои, Боренька, Сережа, Аня, распорядитесь тут пока без меня. Если захотите поесть или попить – посмотрите в буфете, берите что хотите. Правда, боюсь, там осталось немного.

– Вы не беспокойтесь, Павел Ильич, – сказала полная девушка, – нам ничего не надо. Мы тут посидим, подождем вас.

– Да, да, – закивал профессор.

Я вдруг поймал себя на мысли, что воспринимаю его как глубокого старика, а ведь, судя по году рождения, он был младше меня! Сейчас ему было не больше сорока пяти. Вероятно, это горе так состарило профессора Мураховского в считанные дни.

Он провел меня в кабинет, где книг, казалось, было еще больше, а стены и гардины пропахли трубочным табаком. Плотнo затворив дверь, профессор указал мне на старый венский стул, а сам, протиснувшись между этажеркой и краем стола, сел в свое рабочее кресло.

– Я не хотел, чтобы ребята слышали наш разговор, прежде чем сам не пойму, как относиться к вашим словам. Повторите, пожалуйста, еще раз, как ваше имя и отчество?

Я просто достал визитную карточку и вручил ее профессору.

– Гиляровский. Гиляровский, – пробормотал он, поднося карточку поближе к глазам. Вероятно, от постоянного чтения зрение Мураховского ослабло. – Кажется, я знаю вашу фамилию. Ведь это вы тот самый репортер, который описал каторжный труд на белильной фабрике? И Кукуевскую катастрофу? И давку на Ходынке по случаю коронации?

– Да, – кивнул я, – все верно.

– Я читал ваши репортажи в газетах. Судя по ним, вы человек честный, принципиальный и стоите на стороне простого народа.

– Спасибо.

– Угнетенного народа, – добавил Мураховский, испытующе взглянув на меня, но тут же спохватился. – Простите, все это сейчас... Почему там, на лестнице, вы сказали, что Верочка погибла совсем в другом месте? Как вы оказались свидетелем? В полиции мне сообщили, что

ее тело нашли в Водоотводном канале, что она спрыгнула с моста. Конечно, это совершенно невероятно, Веруша была не таким человеком... Да и в личной жизни... Вы же видели Борю – они были прекрасной, гармоничной парой. Нет, конечно, я не лез в их отношения, я далек от домостроевских порядков. Уж поверьте, я знаю, о чем говорю – это моя специализация – древнерусское право... Впрочем, зачем это вам? Простите, у меня путаются мысли. – Он вдруг закрыл лицо руками и тихонечко всхлипнул. – Простите, такое горе! О чем я говорил? Да! Самоубийство. Я бы никогда не поверил, но в полиции сказали... Факты. Куда от них деваться?

– Это не было самоубийством, – начал я тихо.

– Как?

– Это не было самоубийством. Это был несчастный случай.

– Но полиция...

– Полиция была введена в заблуждение. Тело Веры ночью принесли к мосту и сбросили вниз. Но погибла она в другом месте.

Мураховский смотрел на меня растерянно.

– Она погибла в доме номер четырнадцать по Тверской улице, упав из ниши в стене, – сказал я, – оступилась во время погони.

– Погони? – удивился Мураховский.

Я пристально вгляделся в лицо профессора, стараясь не пропустить ни одной произвольной реакции, а потом произнес:

– Она изображала Красного Призрака, Павел Ильич. Красного Призрака в бывшем дворце Марии Волконской.

Вот оно! Наконец до Мураховского дошел истинный смысл того, что я хотел ему сообщить. Это было видно по глазам, в которых теперь явно прочитался ужас от только что услышанных подробностей.

– Боже мой! – прошептал он.

Профессор вскочил, выбежал в гостиную – через открытую дверь я видел, как он остановился перед креслом, в котором сидел Борис, и занес руку – как будто для удара. Молодой человек, заметив лихорадочный блеск в его глазах, судорожно сжался. Но Мураховский вдруг остановился, опустил руку и, не глядя больше ни на кого, громко сказал:

– Молодые люди! Я вам доверял. А вы предали меня. Прошу вас немедленно уйти и больше никогда не приходить.

– Что случилось, Петр Ильич?! – воскликнула полная девушка. – Что вам рассказал этот громила?

Пара с дивана вскочила, а несчастный жених словно окаменел в своем кресле.

– Теперь я знаю, – с горечью проговорил профессор, – что в смерти Веры виноваты именно вы трое. Борис – больше всех. И – я... Я тоже виноват. Прошу вас, уходите.

Молодые люди поднялись с недоуменными и потрясенными глазами. Молча они прошли в прихожую. Потом послышался звук закрывшейся двери. Профессор подошел к дивану и рухнул на него. Я вышел из кабинета и сел в освободившееся кресло.

– Я могу сейчас уйти, Павел Ильич, если вам необходимо побыть одному.

– Нет, – простонал профессор, – не уходите. Расскажите мне все.

И я рассказал ему, что произошло в магазине Елисеева, опуская только те подробности, которые не касались его дочери. Мураховский слушал, опустив голову.

– Павел Ильич, – сказал я наконец, – у меня будет к вам несколько вопросов. Если можете, то ответьте на них, пожалуйста.

– Зачем? – спросил он, не поднимая головы.

– Затем, что я хочу восстановить честное имя вашей дочери. Чтобы ее не считали самоубийцей. И чтобы люди, которые косвенно стали причиной ее гибели, понесли хоть какое-то наказание.

Мураховский впервые поднял глаза и посмотрел на меня.

– В таком случае наказание должен понести и я, – сказал он. – Ведь и я косвенно виновен в гибели Верочки.

– Но вы уже понесли самое страшное наказание, – деликатно возразил я. – Ведь вы лишились своего ребенка. Нет, я говорю о других.

Профессор покачал головой.

– Нет, Владимир Алексеевич, вы не понимаете...

– Не понимаю? Что? Что это именно вы рассказали Вере про то, как в молодости со своими товарищами собирались на революционные сходки в подвале этого дома? Что вы рассказали про потайной ход из соседнего здания? Про то, как ваши друзья изображали Красного Призрака, чтобы отпугнуть случайных прохожих?

– Откуда вы все это знаете?

– Про то, – продолжал я, – как ваши товарищи выгораживали вас, активного члена кружка, автора прокламаций, на следствии?

Мураховский с изумлением посмотрел на меня.

– Про что еще я не понимаю? Про то, что через много лет вы собрали своих студентов, чтобы возродить тот революционный кружок? Вот этих, которые сидели в вашей квартире, когда я вошел.

– Нет! – крикнул профессор. – Нет! Это была уже их идея! Да, я действительно рассказывал им о революционерах семидесятых, о народовольцах, о смельчаках! И о нашем кружке тоже, да. Это происходило так естественно – ребята приходили ко мне на дополнительные занятия – я сам предложил им это, только тем, у кого нашел хорошие способности и свободу мысли. Да, это были не обычные университетские лекции. Никакой цензуры! Никакой программы! Никаких косных установок министерства образования! Да! Я и сам чувствовал, как молодею с этими ребятами, которые могут видеть намного глубже и дальше, чем большинство наших заслуженных академиков! И конечно, я рассказал им и про кружок, и про Красного Призрака, и про наши способы проникать в здание. Про потайные ходы.

– Ходы? – переспросил я. – Разве он не один?

– Один? Нет, их было больше. Я знал два. Но мой товарищ, Сережа Красильников, знал третий. Знал, но не говорил нам, где он. Ему нравилось появляться неожиданно, практически ниоткуда.

– Так-так! – сделал я зарубку в памяти. – Вы можете мне нарисовать, где эти ходы начинаются? И куда ведут?

– Да, конечно. – Профессор принял в руки мой блокнот и карандаш, которые я достал из кармана. – Я уже рисовал их для ребят, но никогда не предполагал, что они рискнут... – Он начертил на странице план подвалов и указал два потайных хода.

– И последний вопрос, профессор, почему вы чуть не ударили Бориса? – спросил я, засовывая блокнот в карман.

Мураховский помрачнел.

– Вера поначалу не заходила на эти мои занятия со студентами. Но потом увидела Бориса и полюбила его. С тех пор она присутствовала на каждом подобном занятии. Я уверен, что Борис вовлек и ее в этот кружок. Я видел его глаза, когда замахнулся. Он прекрасно понимал, почему я это делаю. На его лице не было удивления. Только вина!

– Вы знаете, где живет Борис? Я хочу с ним поговорить.

Я нашел пролетку у обочины – Иван весело переговаривался с молодой кухаркой купца Захарова. Но пришлось оторвать его от столь приятного и многообещающего занятия. Я велел ему отвезти меня на Каланчевку, где в «Генераловке», доме генерала Штерна, размещалось общежитие для студентов. Сам генерал Штерн уже двадцать лет как командовал чертями на

том свете, а его наследники совсем не следили за состоянием дел в доме – лишь бы из университетской казны поступали средства за проживание иногородних студентов. В результате, как и во многих подобных благотворительных заведениях Москвы, большую часть обитателей теперь составляли «вечные студенты», давно уже отчисленные и зачастую давно уже не молодые люди, а также публика совершенно сомнительного характера – выгнанные с работы мелкие чиновники, артельщики со всех концов Московской губернии, мошенники, аферисты и прочие.

Я даже не стал заходить внутрь дома: искать в нем кого-то, не имея знакомого проводника, было бессмысленно – десятки квартир, сотни комнат, бесчисленное множество огороженных простыми занавесками углов. Как всегда, выручили сами местные обитатели, сидевшие группками в тени здания, – одни играли в карты, другие пили пиво или самодельную брагу, скорее второе, судя мутной жиже в бутылке со смытой этикеткой. Земля, плотно втоптанная до каменной серости, была усеяна разным сором такого состояния, что его уже нельзя было употребить в дело, – черные от грязи клочки тряпок, бумажные обертки, втопанные в прах мятые папиросные гильзы, какие-то ржавые пружины, и повсюду жестяные кругляшки – сорванные с горлышек водочных бутылок крышечки. Я остановился и стал рассматривать местных обитателей, которые по случаю жары примостились в тени дома. Мое внимание было скоро замечено, и лежавший прямо на земле тип в грязной серой рубахе, с криво подрезанной бородой и сломанным носом, крикнул:

– Эй, дядя, чего надо?

Я подошел, совершенно не опасаясь за себя, потому что в таких местах действовало неписаное правило – где ешь, там не гадишь. Воровать и грабить обитатели «Генераловки» ходили к Николаевскому вокзалу, а рядом с местом своего проживания не шалили – чтобы не злить полицию.

– Ищу тут одного паренька, – сказал я, снимая кепку и обмахиваясь ею. – Студента.

– А мы все тут студенты! – хохотнул мой визави.

– Моего кличут Борисом. Борисом Ильиным. У него еще есть друг – Сергей. Крепкий такой.

– Зачем тебе?

– Мое дело.

Кривоносый оглянулся, вытянув худую красную шею.

– Эй! Кулема, – позвал он паренька, сидевшего у самой стены. – Такого знаешь? Бориса Ильина? Студента.

– Цаплю, что ли? – отозвался парень.

– Сыщешь?

– Зачем?

– Вот, – повернулся ко мне кривоносый. – Законный вопрос.

Я кивнул и подошел к тому, кого звали Кулемой. Получив от меня двугривенный, он исчез в подъезде, а я приготовился ждать. Прошло уже минут десять, а Борис все так и не появлялся. Я собирался, простившись с двугривенным, идти на поиски сам, но тут из подъезда вышел Сережа. Увидев меня, он быстро подошел, засунул руки в карманы брюк и набычился.

– Опять вы? Кто вы такой и что наплели про нас Павлу Ильичу?

– Меня зовут Владимир Алексеевич Гиляровский, – сказал я спокойно. – Ничего про вас я профессору не плел, а рассказал ему правду о том, где и как погибла его дочь.

– Прыгнула с моста, – буркнул Сергей.

– Вовсе нет! Она упала из стенной ниши в магазине Елисеева, когда за ней погнались охранники.

Крепыш быстро моргнул.

– Как она там оказалась?

- Тебе лучше знать, – ответил я. – Ведь она изображала Красного Призрака.
- Что? – ошолбенел парень.
- То!
- Почему она? Почему не?..
- Кто?
- Не важно!
- А я думаю, что важно.

Сережа лихорадочно думал, и по его лицу было видно, что мысли эти были не из приятных. Наконец решив что-то, он твердо сказал:

- Не знаю, какой у вас интерес, но больше я вам ничего не скажу. Всего хорошего!
- С этими словами он развернулся, желая уйти. Но я схватил его за плечо:
- Постой! Где Борис?
- Не знаю. Отпустите.
- На, возьми мою визитную карточку. Передай Борису, что я хочу с ним поговорить.
- Смейтесь? Думаете, он теперь захочет с вами разговаривать?
- Кто знает. Передай.

С Каланчевки я заехал в редакцию своей нынешней газеты «Россия», в которую перешел из «Ведомостей». Как удобно, что Архипову провели телефонную линию – сейчас мы и проверим, работает у него аппарат или нет. Я подошел к редакционному телефону, приложил к уху наушник и пару раз нажал рычаг, вызывая телефонистку центрального коммутатора, располагавшегося на Кузнецком Мосту. Наконец барышня мне ответила. Я попросил соединить меня с коммутатором Сысского отделения в Малом Гнездиновском. После недолгой паузы ответил дежурный Сысского. Он в свою очередь соединил меня с кабинетом следователя Архипова. Я долго ждал, опасаясь, что Архипова в кабинете нет, но наконец в трубке прозвучало:

– Слушаю?

Голос звучал ужасно тихо, неузнаваемо, перебиваемый каким-то механическим потрескиванием.

– Захар Борисович! Здравствуйте, – закричал я в приемный рожок аппарата как можно громче. – Это Гиляровский!

– Кто?

– Гиляровский! Владимир Алексеевич Гиляровский! – завопил я так, что два редактора, сидевшие неподалеку, вздрогнули.

– Гиляровский? Владимир Алексеевич?

– Да! Вы слышите меня?

– Очень плохо. Чертов аппарат!

– Послушайте! В списке, который вы мне вчера показывали, должен значиться некий Сергей Красильников.

– Так. И что?

– Помогите найти его нынешний адрес. Это очень важно! Сергей Красильников!

– Хорошо, попробую.

– Тогда все, отключаюсь. Да свидания!

– Что?

– Да свидания, говорю!

– А! До свидания.

Я нажал рычаг, давая отбой, и повесил наушник на крюк аппарата. Один из редакторов невинно спросил:

- Что, вели конфиденциальный разговор, Владимир Алексеевич?
- Громко орал?

– С вашим голосом никакая газета не нужна, – ответил второй редактор. – Вы к окошку подойдите, и уже вся Москва будет знать последние новости.

Я рассмеялся, угостил сотрудников своим табаком из табакерки и поехал домой.

Глава 5. Соглашение

Победив в «Новом Эрмитаже», я вернулся домой, наполнил ванну почти холодной водой и провел в ней не меньше часа, читая переведенных недавно с польского «Крестоносцев» Генрика Сенкевича – книгу, оставленную в прихожей Колей, который, даже надевая ботинки, наверное, не мог оторваться от чтения. В конце концов роман показался мне слишком затянутым и скучным – Сенкевич писал слогом скорее прошлого, чем нынешнего века. К тому же сюжет, пусть и не лишенный интереса, отдавал провинциальной отсталостью – все эти страсти благородных дворян, вся эта рыцарская мелодрама... Безусловно, в Варшаве «Крестоносцы» пользовались бешеной популярностью из-за их патриотического настроения. Но Сенкевич, погружая своих читателей в прошлое, как будто не замечал жизни нынешней – жестокой и интересной, полной новых героев, новых отношений, новых страданий. Насколько сильно вперед вырвалась современная русская литература, с ее вниманием к трагедии простого человека – трагедии более глубокой, чем все эти страдания баронов и графов! Рядом с произведениями Толстого, Горького и Чехова книжка Сенкевича выглядела устаревшей – словно ее нашли в гардеробе за бабушкиным турнюрком. А ведь даже развлекая, литература могла приобщать читателя к новым идеям, к идеалам свободы, прогресса. Взять хоть Жюль Верна – его фантастические произведения будили в читателе интерес к науке, к технике, к путешествиям... Я начал вспоминать прочитанные книги француза и не заметил, как задремал. Проснулся от того, что вода окончательно остыла. Вылезши из ванны, я накинул свой любимый цветастый туркменский халат и отнес «Крестоносцев» в комнату Коли. В этот момент в дверь позвонили.

Я открыл. Перед дверью стоял молодой человек в сером летнем костюме с конвертом в руках.

– Владимир Алексеевич Гиляровский? – спросил он.

– Да, это я.

– Здравствуйте. Я от Захара Борисовича. Принес вам вот это.

Он протянул конверт, коротко, но вежливо попрощался и ушел.

Когда в кабинете я вскрыл принесенный конверт, там оказалось два листка – копия списка революционеров из кружка Мураховского и записка:

«К сожалению, сведений об адресе персоны, вас интересующей, я найти не смог. Его последнее местожительство нам известно, но он съехал оттуда два года назад. На свой риск посылаю вам список остальных членов кружка – может быть, вы сможете через них узнать что-то. Постарайтесь сделать так, чтобы этот список больше никто не видел. Из-за него у меня могут быть крупные неприятности».

Я просмотрел список – в нем было семь фамилий, включая Мураховского. Минус он, минус Красильников – оставалось пятеро. Пятеро, а времени такая проверка могла занять очень много. Так что, несмотря на просьбу сыщика, все же придется показать кое-кому этот список. Я взглянул на настенные часы – время было еще не позднее, жаль только, что Ивана я отпустил. Ну, ничего, извозчики в летней полупустой Москве чуть не дрались за пассажиров. Еду на Остоженку!

Там находилась контора частной охранной фирмы «Ваш ангел-хранитель», к услугам которой я прибегал тогда, когда у самого не хватало времени и сил собрать необходимую информацию. А полгода назад пришлось привлечь «ангелов» и к настоящим боевым действиям в Марьиной Роще, что, впрочем, для них было совсем не в новинку – я никогда не спрашивал хозяина конторы, бывшего циркового борца Петра Петровича Арцакова, о подробностях работы его «ангелов», потому что и сам знал – они не гнушаются ничем, лишь бы клиент заплатил и лишь бы полиция в конце концов не предъявила им свои претензии. Даже если

речь шла о делах незаконных, о вымогательстве, например, Арцаков брался за них, но только при гарантии, что и вымогатель, и жертва будут одинаково молчать. А таких случаев в криминальном мире Москвы было предостаточно. Равно как предостаточно было кредиторов, желавших получить свои деньги от должников, супругов, хотевших заиметь свидетельства измены своих благоверных для организации бракоразводного процесса, или купцов, которым нужна была охрана для перевозки особо ценных товаров. Хотя в Москве работало несколько частных охранных контор, они вполне спокойно делили рынок таких услуг и жили себе в удовольствие. У них даже была собственная униформа или отличительные знаки, чтобы не перебегать друг другу дорогу при случайных встречах. Так сотрудники конторы «Надежный друг» с Варварки носили зеленые галстуки, отставные военные из «Верного товарища» с Якиманки вставляли в петлицу красную гвоздику, а «ангелы» одевались в черное – почти как похоронная команда. Впрочем, думаю, что выбор этого цвета для одежды был сделан именно с таким пугающим расчетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.